

болом, и мальчишки-хоккеисты. Перешел туда из 14-й школы и семиклассник Андрей.

И свободного времени стало еще меньше. Утром – зарядка, иногда изволь быть в “Алмазе” уже в 6 утра, после уроков – тренировка; случалось, зал освобождался только к 11 вечера.

Андрея даже не будили по утрам. Унес будильник к себе в комнату и вставал всегда сам.

С детства была в нем эта самостоятельность. Может быть, оттого, что рос старшим братом? Сестренку Лену нередко приходилось оставлять на него, и родители были спокойны: Андрей присмотрит.

За учебу сына Красовитовы особенно не волновались и за оценками не следили, доверяли: его настойчивый характер, умение доводить дело до конца проявлялись и здесь. К тому же его способности, прекрасную память отмечали многие учителя. Один “сюрприз”, правда, был. Андрей тогда только перешел в спортивный класс, и то ли новый режим был непривычен, то ли общий настрой в классе оказался не на учебу, – короче говоря, на классном собрании родители с удивлением узнали, что грозят Андрею сразу несколько троек за четверть. А до каникул – всего две недели.

Спортивное же увлечение ему и помогло.

– Вот что, Красовитов, – сказал тогда тренер Дмитрий Васильевич Слободин, – если до конца четверти тройки свои не исправишь – на тренировки можешь не приходить.

Чего стоили те две недели Андрею, знал только он один. Но тренировки продолжались, и срывов таких больше не было. А когда в девятый класс вечерней школы поступил отец (так уж случилось, что не довелось Николаю Тимофеевичу в юности кончить десятилетку), Андрей стал его помощником в учебе.

– Он все делал от души, – это качество Андрея считает главным его классный руководитель Галина Ивановна Овсянкина. – Простой, открытый мальчишка. И всегда на лице улыбка, веселая, доброжелательная.

Ох, сколько неприятностей доставляла порой Андрею эта улыбка, его всегдашняя готовность хохотать, да так, что следом заливался и весь класс! Порой и с урока выгоняли, и отца вызывали: “Ваш сын своим смехом мешает вести урок”. А он таким был и характер свой менять не собирался.

...Вот еще снимок: шестиклассник Андрей с барабаном на каком-то пионерском празднике. Не с этого ли барабана началось его сильное увлечение музыкой? В десятом он играл в школьном ВИА, выступал на всех вечерах; в кругу друзей – гитара, играть на которой его научил отец.

Как его хватало на все? Тренировки, спортивные сборы, учеба, друзья, репетиции, книги...

– Он торопился жить, – заключила свой рассказ об Андрее мастер череповецкого ПТУ № 27 В. А. Дорбидонтова.

Он торопился. Вот уже и последний школьный снимок, выпускной бал...

Три записи в трудовой книжке: об учебе в ПТУ, о работе в обжимном цехе Череповецкого металлургического комбината машинистом крана на горячем участке работ по 3-му разряду и об увольнении с комбината в связи с призывом в Советскую Армию.

Последняя запись – 21 сентября 1982 года.

Вот он, такой непохожий на себя, остриженный наголо. Рядом пытается улыбаться мама.

Последние напутствия отца, шумные проводы друзей, обещания писать, где бы ни оказался.

Он оказался в Афганистане. Сообщил об этом домой буднично и просто: “Направляют в 40-ю армию”.

– Мне уже потом объяснили, что это за 40-я армия, – возвращается памятью в те дни Тамара Николаевна. – Слез было.

Но была и надежда. Тем более что письма от Андрея приходили спокойные, ласковые, очень подробные. Он замечал красивые горы Афганистана, любовался морем весенних тюльпанов – и обо всем спешил рассказать родным. “У меня все хорошо. Не беспокойтесь за меня”, – это он писал постоянно. Как здоровье бабушки Таси? Как привыкает к училищу Лена? Какие новости у друзей по двору, у бывших одноклассников? Все его интересовало, обо всех он помнил, и оттого, что спрашивал он о самых обыкновенных, житейских подробностях, сейчас особенно щемит сердце.

Дом этот всегда был открыт для друзей Лены и Андрея. Они прибегали сюда совсем маленькими, приходили старшеклассниками. Они были рядом с родителями и те два “афганских” года, наполненных тревогой и болью. И потом...

Тамара Николаевна признается:

– Если б не ребята, не знаю, как бы мы с отцом и выжили тогда. Андриюшины друзья помогли нам выстоять.

...Но пока служба шла своим чередом. Из фотографий в конце альбома одна особенно врезается в память. “Июнь 1984. 100 дней до приказа”, – написано на ней рукой Андрея. Веселые лица, озорные позы перед объективом – словно и нет войны. Однако за плечами уже были сопровождение колонн, охрана маршрутов. И бой. За 21 месяц, что Андрей служил в Афганистане, он участвовал в восьми крупных и одиннадцати частных операциях. Среди фотографий – цветная картинка из журнала – солдаты с оружием. “Еще посылаю маленькую вырезку, где изображена моя “пушечка” под названием СПГ-9*. Вот из такой я и стреляю. Только вместо касок надеваем шлемофон, чтобы перепонки не лопнули, так как грохоту от моей “пушечки” побольше, чем от любой хорошей гаубицы”. (Из письма Андрея от 5 октября 1983 года).

Дни службы бежали дальше и дальше. И вот уже о смелых и грамотных действиях рядового Красовитова рассказала газета “Фрунзевец” Краснознаменного Туркестанского военного округа. Одному из первых в полку вручили Андрею удостоверение о том, что он удостоен права нести боевое дежурство за Героя Советского Союза рядового Николая Яковлевича Афиногенова – паренька, который погиб в бою, спасая жизнь своих товарищей. Удостоверение это хранится сейчас в Вологодском областном музее истории молодежного движения.

Случались на афганской земле и неожиданные встречи. Увидеть земляка всегда было радостью, а встретить после тяжелого марш-броска выпускника твоей же школы, парня, которого хорошо знал?

Наверное, от этой неожиданности, от осознания миолетности встречи и сказал Андрей Геннадия Яковлеву то, о чем обычно молчал – не привык жаловаться.

– Оказывается, у него было плоскостопие, – говорил позднее Геннадий, словно заново переживая ту встречу. – А он молчал и таскал свой гранатомет – вы только представьте себе, каково ему приходилось... Я говорю: “Да как же ты, Андрюха?” А он: “Кому-то надо и с “пушечкой” ходить”, шутит опять, смеется, как раньше.

Да, он и там, в Афганистане, оставался таким, каким был: не искал легких путей.

* Станковый противотанковый гранатомет – *Примеч. сост.*

“Пришел в палатку, сел на кровать, а у самого слезы на глазах выступили, ничего сказать не могу от обиды”. Это строки из письма Андрея. Что же случилось в тот день, что даже он заплакал? “Почти весь взвод ушел на крупную операцию. А мне из-за комсомольской работы пришлось остаться. Когда ребята ушли, так вообще места себе не находил. И главное, за какие-то полчаса до выхода, главное, все уже приготовлено, а тут на тебе: “Красовитов, не идешь!” Но что теперь поделаешь – ребята-то ушли. Приходится смириться с таким поворотом дел. Хорошо хоть, гитара у нас есть, хоть она немного успокаивает”.

Какие песни он пел в те тяжелые для него минуты, один в пустой палатке? “Вершину” Высоцкого? Что-то из репертуара “Машины времени”, любимого своего ансамбля? Или вот эту, об Афгане?

Он какого цвета?
Он на карте пестрый.
Алые ракеты
Меряют наши версты
Он какого цвета?
Он на карте рыжий.
За Кабулом где-то
Гром Панджшера слышен.
Тельник – полосатый,
Улицы – опасны,
Черны автоматы,
Пули темно-красны...

Мы не узнаем, какими аккордами утишила гитара его обиду и боль. Но знаем, что комсорг Андрей Красовитов хотел быть вместе с ребятами в том труднейшем рейде.

20 августа 1984 года он сообщил родителям: “Сейчас отдыхаем и готовимся идти на Саланг. Выходим завтра”. И как обычно: “Но вы за меня не беспокойтесь. У меня все будет хорошо”. Все было хорошо чуть меньше трех недель...

* * *

Два года ни семья Красовитовых, ни одноклассники и друзья Андрея не знали, как он погиб. Завеса молчания, укрывшая афганскую войну куда надежнее, чем Гиндукуш, – сколько лишних страданий родным доставила она! Сделать надпись на памятнике о том, что сын погиб, выполняя воинский долг в Афганистане, – нельзя. Занес-

ти домой гроб с телом – нельзя, с трудом уговорили. Даже написать некролог и повесить в черной рамке портрет Андрея в цехе, где много лет работают его отец и мать, где сам он успел поработать два месяца до армии и куда очень хотел вернуться, – нельзя!.. Похоронка со словами соболезнования и орден Красной Звезды, которым Андрей был награжден посмертно, – вот и все, что было тогда можно.

И только в 86-м узнали отец и мать, каким был последний бой их сына.

...Рота, выполнявшая боевую задачу 7 сентября 1984 года в районе Панджшера, была замечена мятежниками. Наши ребята оказались под обстрелом. О дальнейшем пусть скажут строки документа: "...Рядовой Красовитов открыл огонь по противнику, своим метким попаданием он заставил замолчать огневую точку, уничтожив при этом трех мятежников, но и сам был ранен. Раненный, рядовой Красовитов все еще вел огонь по мятежникам, сознавая, что и от него зависит успех выполнения боевой задачи. Благодаря его решительным действиям боевая задача была выполнена, но сам он погиб во время боя".

...Есть в этом доме особый альбом. Цвета тюльпанов, которыми любовался в Афганистане Андрей. Цвета пролившейся крови. В нем – минута за минутой – застывшие черно-белые мгновения прощания с Андреем. Бесконечное горе в глазах родных, одноклассников, друзей. И вот застучали комья земли об оцинкованную крышку гроба. Все. Конец.

Но подрастают уже три мальчугана, имена свои получившие в честь Андрея Красовитова: Андрюша Бобков, сын офицера Михаила Бобкова и Иры Вихаревой, одноклассников Андрея; Андрюша Ковалев, сын металлурга Эдуарда Ковалева, одноклассника Андрея; Андрюша Дунаев, сын Лены, сестры Андрея, внук Тамары Николаевны и Николая Тимофеевича Красовитовых.

Пионерский отряд 12-й школы, где учился Андрей Красовитов, выбрал его своим отрядным героем. И выбор этот оказался не просто данью зарождавшейся тогда, в 1987-м, традиции: дружба школьников и родителей Андрея не распалась и после того, как ребята вышли из пионерского возраста, и когда не стало даже самих пионерских отрядов.

9 августа и 7 сентября – в день рождения и день гибели Андрея, 20 декабря, в день памяти воинов-“афганцев”,

и 9 мая Красовитовы не остаются одни. В эти дни рядом с ними – друзья сына по школе и по военной службе.

Забегают они и коротко рассказать о своих новостях, о малышах, о работе.

Тамара Николаевна и Николай Тимофеевич со свойственной им душевной щедростью радуются их счастью. Радуются просто тому, что они есть. Иногда друзья просят:

– Тетя Тамара, а можно еще раз послушать, как смеется Андрей?

Тамара Николаевна включит магнитофон. И в комнате опять, как когда-то, раздастся безудержный, заразительный смех Андрея...

И. Ромина